

Ivan Smirnov

dr, Uniwersytet Łódzki

<https://orcid.org/0000-0003-3066-5591>

i.smirnow.edu@gmail.com

Исламская лексика в русскоязычных медиатекстах

Введение

Современные медиадискурсы не только интегрируют человека в глобальное цифровое пространство и обогащают сознание неструктурированной информацией, но и влияют на характер социальной коммуникации личности, формируют отношение к конфессиональным ценностям, толерантности или нетерпимости к другим этносам. В данной статье рассматривается исламская лексика, используемая в медийных текстах, представленных в интернете в открытом доступе. В поле исследования попали медиа, публикующие информацию на русском языке без географической принадлежности к определенному региону. На субъективный взгляд, таким образом, в статье представлены наиболее интересные релевантные примеры, которые активно используются журналистами, с обзором базисных характеристик использования исламской лексики, присущей русскоязычным медиа.

Специалисты в области языкознания внесли существенный вклад в изучение медийного дискурса, как подраздела исследований общей дискурсивной теоретической базы¹.

¹ D.L. Kirby, C.M. Cusack, *Religion and Media*, Routledge, London–New York 2017; P. Horsfield, M.E. Hess, *Belief in Media: Cultural Perspectives on Media and Christianity*, Routledge, London–New York 2004; M. Mrozowski, *Media masowe. Władza, rozrywka i biznes*, Oficyna Wydawnicza Aspra-JR, Warszawa 2001; K. Bullock, *Challenging Media Representations of the Veil: Contemporary Muslim Women's Re-veiling Movement*, „American Journal of Islam and Society” 2000, vol. 17, no. 3, pp. 22–53; S. Naguib, *Islam and Epistemo-*

Религиозная лексика, с одной стороны, используется в специальных религиозных дискурсах, которые скорее характеризуются герметичностью. С другой стороны, исламизмы все чаще попадают в медийное пространство и используются в различных контекстах: новостных, политических, социальных, спортивных и др. Медийная коммуникация заключается в сближении имеющихся в распоряжении медийных субъектов на базе семиотических ресурсов. Важной особенностью также является структура медиадискурса, в частности выделяется план содержания и поликодовость плана выражения².

Целью религиозного дискурса является приобщение людей к вере в рамках определенной конфессии. Особенностью религиозного дискурса является открытость в утверждении ценностей³. Подобная структура может быть транспонирована на медийный религиозный дискурс, который характеризуется ориентированностью на массового зрителя или читателя.

Можно с уверенностью сказать, что в СМИ в республиках и на территориях различных областей Российской Федерации, где преобладает ислам, журналистские материалы публикуются на русском языке, региональном (местном) языке и в отдельных случаях на английском, следовательно, исламский дискурс не имеет национальной принадлежности⁴. Российские мусульмане принимают активное участие в политической жизни страны, но в отдельных случаях разрозненность и внутренние противоречия, связанные с вариантами ислама и институтами, стоящими за ними, являются сдерживающими факторами⁵. Создавшаяся ситуация требует от государства комплексной политики, связанной с дерадикализацией, которая возможна только с учетом сохранения культурного религиозного разнообразия и доверия к религиозным структурам⁶.

logical Gender Politics: A Decolonial Moment, „American Journal of Islam and Society” 2021, vol. 38, no. 1–2, pp. 9–28.

² Ż. Ślădkiewicz, *Estetyczny aspekt audiowizualnych medytacji uwaŹności jako popularnego gatunku w przestrzeni medialnej*, „Przeglăd Rusycystyczny” 2023, nr 3 (183), s. 100.

³ В.И. Карасик, *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*, Гнозис, Москва 2002, с. 223.

⁴ См. М. Ал-Хилфи, *Общетаатарские и исламские СМИ как средство сохранения языка и культуры в национальных регионах Поволжья*, «Знак: проблемное поле медиаобразования» 2021, № 3 (41), с. 37–47.

⁵ Ксавье Ле Торривеллек, *Состояние и особенности «российского ислама»*, «Записка Аналитического центра Обсерво» 2013, № 4, с. 23.

⁶ М. Bektenova, N. Seitakhmetova, S. Zhandossova, L. Toktarbekova, *Formation of Islamic identity in Kazakhstan and the Central Asian region in conditions of religious revival*, „European Journal of Science and Theology” 2025, vol. 21, no. 4, p. 169.

Использование исламизмов в русскоязычных медиаресурсах

Стоит обратить внимание на то, что журналисты используют довольно ограниченное количество исламской терминологии при написании статей. Это обусловлено следующими факторами:

- 1) большая часть лексики не знакома русскоязычному населению, т.е. отсутствуют базовые знания об исламской догматике, данный фактор подтверждается тем, что исламская терминология используется произвольно, без учета исконного религиозного смысла.
- 2) исламская терминология предусматривает знание арабских традиций, что существенно затрудняет русскоязычную аудиторию в понимании базовой исламской лексики;
- 3) уровень владения исламской терминологией напрямую зависит от места проживания, например, в тех регионах РФ, в которых ислам традиционно является главенствующей религией, и большинство людей исповедуют ислам, – отсутствует некорректное использование исламизмов в местных и региональных медиа.

Данные аксиоматические рассуждения подтверждаются фактологическим материалом, который приводит исследователь Аль-Кадими Махмуд Гази Чаллюб: в русском языке зафиксировано порядка 450 арабизмов, которые соотносятся с исламской лексикой. Таким образом, большая часть арабизмов встречается только в текстах, относящихся к исламскому религиозному дискурсу и скорее используется в научных институтах⁷.

Однако арабо-тюрко-персидская и русская терминология может использоваться в религиозных текстах в качестве синонимического ряда. Трудность также заключается в том, что исламизмы обладают широкой семантической вариативностью, т.е. слово может использоваться в разных религиозных контекстах⁸.

Ислам по праву является политической религией, потому что политическая история исламского мира неразрывно связана с религией. Исламская теологическая традиция и религиозное видение мира базируются на отношении человека к Богу с акцентом на отсутствие посредника между верующим человеком и Богом⁹.

⁷ М.Г. Чаллюб, *Арабские заимствования в русском языке*, «Вестник ВГУ» 2009, № 1, с. 77.

⁸ А.М. Казиева, М.М. Ибрагимова, *Исламский дискурс в российском медиапространстве: некоторые аспекты семантики, прагматики и терминологического наполнения*, «Political Linguistics» 2024, № 6 (108), с. 175.

⁹ Н.С. Козьякова, *Современная политическая философия ислама*, «Journal of Political Research» 2025, vol. 8, no. 4, с. 73.

Существуют разные уровни понимания политического ислама, который ассоциируется на первом уровне с выстраиванием политической системы в исламских странах, и на втором уровне, связанном с выстраиванием отношений внутри религиозных сообществ без географической принадлежности¹⁰.

Лексема *джихад* является самой частотной и яркой дефиницией в журналистских текстах. В связи с этим следует внести ряд уточнений, касающихся функционирования данного термина. В частности, в академических словарях русского языка данное слово либо отсутствует, либо дается обобщенная трактовка, например: «Джихад – усилие, борьба. У мусульман: предписанная Кораном священная война против неверующих, язычников с целью распространения ислама»¹¹.

По сути дела, академические авторитетные издания участвуют в транслировании доступного массовому знанию толкования термина. Антитезой выступают специальные религиозные справочники и словари, ориентированные скорее на специалистов в конкретном научном направлении. Например, в Исламском энциклопедическом словаре дается следующее толкование: *джихад* как «борьба за веру, духовное самосовершенствование, без дальнейших уточнений обычно означает вооруженную борьбу с неверными во имя торжества ислама»¹². Утверждение несостоятельно, по всей видимости, представляется такая позиция для вовлеченных в проблематику ислама лингвистов, когда совершенно ясно обозначены семантические границы, характеризующие *джихад* как мирное, индивидуалистское и духовное усердие в постижении веры. Поэтому определение *джихада* как «священной войны» приводит к тому, что единственным возможным вариантом в полемике остается религиозная война за исламскую веру. Подобные формулировки требуют переосмысления в богословской среде, ведь и часть мусульман воспринимает понятие *джихад* только в рамках войны¹³.

Термин *джихад* в медийных текстах может соотноситься не только с исламскими контекстами, но, вполне возможно, и с другими конфессиональными религиями и различными религиозными течениями. В медийном пространстве закрепилось выражение *православный джихад*, которое, как указывает источник, впервые было провозглашено во время первой чеченской войны на территории РФ, а со временем приобрело популярность

¹⁰ A. Tausch, *Political Islam and Religiously Motivated Political Extremism: An International Comparison*, Springer, Cham 2023, p. 12.

¹¹ С.А. Кузнецов, *Большой толковый словарь русского языка*, «Норинт», Санкт-Петербург 2000, с. 75.

¹² Г.В. Милославский, Ю.А. Петросян, М.Б. Пиотровский, С.М. Прозоров, *Ислам: энциклопедический словарь*, Наука, Москва 1991.

¹³ A. Barlas, *Jihad, Holy War, and Terrorism: The Politics of Conflation and Denial*, „American Journal of Islam and Society” 2003, vol. 20, no.1, p. 47.

и стало использоваться русскоязычным населением в других странах, к примеру, в Сирии и Украине¹⁴.

(1) *Сложно назвать пиар-акцией то, что вокруг фильма творится – там уже какой-то православный джихад, жгут машины, кинотеатры*¹⁵.

Таким же образом могли появиться следующие словосочетания: *иудейский джихад*, *католический джихад*, *греко-католический джихад*. Подобные примеры имеют право на существование, но только с учетом уже имеющихся у читателей базовых знаний о джихаде.

Важно, что термин *джихад* может присутствовать в текстах, далеких от политической мысли, но само наличие исламизма в предложении задает смысловую политическую рамку всему контенту. Подобным примером является авторский проект российской журналистки и писательницы Надежды Кеворковой, которая является автором и ведущей документального сериала «Джихад русской литературы»¹⁶. Кеворкова много лет писала на темы религии, после начала работы на Кавказе и Ближнем Востоке. В последние годы специализировалась на освещении конфликтов в этих регионах, а также рассказывала о преследовании мусульман в мире. Подобные случаи использования термина приводят к тому, что конструкция *джихад русской литературы* однозначно лишает лексему *джихад* субъектности, тем самым данная иллюстрация способствует десубъективации действия. Иными словами, налицо нарушение семантической валентности, т.е. отсутствие обязательного субъекта или группы лиц, совершающих джихад.

Представленная аргументация подтверждает, что в исламизме *джихад* закодирована семантическая составляющая, базирующаяся на таких смысловых постулатах как террор, насилие, жестокость и т.д. По всей видимости, подобные коннотации могут встречаться в медиадискурсах и других стран. К слову, в Польше в интернете у пользователей возрос интерес к термину *джихад* после совершения террористических атак в Европе, что подтверждает сопричастность данного слова с контекстами войны и терроризма¹⁷. Интересные данные были получены с учетом анализа корпусных данных британской прессы в период с 1998 по 2009 год. В прессе исполь-

¹⁴ *Православный джихад: нация-агрессор пожинает плоды преступной идеологии*, Sprotyv.info, 13.12.2021, <https://sprotyv.info/obshchestvo/pravoslavnyj-dzhihad-naciya-agressor-pozhinaet-plody-prestupnoj-ideologii/> [дата обращения: 26.12.2025].

¹⁵ *«Огромный красный мужик лапает синюю тощую женщину» Егор Кончаловский о разнице между сексом на экране и в жизни*, Lenta.ru, 17 октября 2017, <https://lenta.ru/articles/2017/10/17/konchalovskiy/> [дата обращения: 26.12.2025].

¹⁶ *Джихад русской литературы*, Алиф ТВ, <https://alif.tv/category/documental/djihad-russkoy-literaturi/> [дата обращения: 26.12.2025].

¹⁷ P. Mazur, *Czy dżihad to ideologia? O niekonsekwencjach terminologicznych wokół „walki na ścieżce Boga”*, „Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. Studia de Securitate” 2019, t. 9, nr 2, s. 2.

зуются исламофобские представления, особенно в правоориентированных медиа, неудивительно, что политическая составляющая базировалась на антагонистических публикациях¹⁸.

Важнейшим понятием в исламе является лексема *шариат*, которая «обозначает совокупность религиозных и юридических норм мусульманского феодального права, основанных на Коране»¹⁹.

(2) *Шариат вместо законов: мигранты создают параллельную реальность в России*²⁰.

(3) *В России начинают внедряться законы шариата – член СПЧ*²¹.

Дефиниция *шариат* в журналистских текстах определенно имеет негативные коннотации, которые выстраиваются путем противопоставления шариата светской правовой системе. Иными словами, нарушения мусульманами законов в конкретной стране могут относиться в текстах к шариатскому праву, тем самым создавая положительный образ светского права в противовес исламскому шариату.

Догматическая исламская религиозная лексика, используемая в обычном контексте и политической полемике, однозначно занимает в предложении центральную позицию, т.е. семантика религиозного термина задает смысловое содержание всему предложению. Исключением может быть авторский политический конструкт – *исламский рейх*, который философ Павел Щелин ввел в медийный дискурс. В массовом европейском понимании *рейх* обладает негативной коннотацией, сохраняемой исторической памятью. Прилагательное *исламский* усиливает и так нагруженный смыслами термин *рейх*, тем самым делая его яркой языковой формулировкой.

(4) *Исламский Рейх по хазарской модели в Европе*²².

(5) *Исламский Рейх ЕС*²³.

¹⁸ P. Baker, C. Gabrielatos, T. McEnery, *Discourse Analysis and Media Attitudes: The Representation of Islam in the British Press*, Cambridge University Press, Cambridge 2013, p. 254.

¹⁹ *Шари́ат*, Словарь русского языка (МАС), <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/25/ma470205.htm?cmd=0&istext=1> [дата обращения: 26.12.2025].

²⁰ *Шариат вместо законов: мигранты создают параллельную реальность в России*, AsiaToday, 27.06.2025, <https://asia-today.news/27062025/6342/> [дата обращения: 26.12.2025].

²¹ Е. Чернышёв, *В России начинают внедряться законы шариата – член СПЧ*, Накануне.RU, 21.05.2025, <https://www.nakanune.ru/news/2025/05/21/22821353/> [дата обращения: 26.12.2025].

²² *Философские Диалоги с Павлом Щелиным. «Исламский Рейх по хазарской модели в Европе»*, Ru.pinterest.com, <https://ru.pinterest.com/pin/640777853271300187/> [дата обращения: 26.12.2025].

²³ Автор – I. Smirnov.

Подобные примеры стали возможны в силу обоснованных причин, таких как увеличение в Европе мигрантов, исповедующих ислам, включенность мусульманского населения в политическую жизнь и социальные институты в европейских странах.

Духовные лица или люди, соотносимые с исламским вероисповеданием, также часто маркируются в медийных текстах негативной смысловой окраской. Например, слова *исламист*, *имам*, *мусульманин* иногда в текстах соотносятся с правонарушениями или реже — с радикальными взглядами. Стоит обратить внимание на тот факт, что академические справочники не транслируют негативные примеры, связанные с исламской верой, например, дефиниция *исламист* имеет толкование «сторонник исламизма; приверженец ислама; мусульманин». По сути дела получается, что не научная литература формирует негативный образ представителя исламской веры, налицо результат конфронтации академического дискурса с профанным массовым представлением ислама. Немаловажно, что в медийных текстах не указывается конкретный человек, а дается обобщающий социальный конструкт (исламист, мусульманин), который совмещает множество личностей. Учитывая аналогичные ситуации в европейских странах, следует обратить внимание на то, что в англоязычной прессе самым частотным исламизмом является лексема *исламист*, что также подтверждается в русскоязычных медиа²⁴.

Современные трактовки исламизмов в массмедийном пространстве настолько противоречивы, что исследователь С.А. Рагозина считает исламскую лексику инструментом процесса секьюритизации исламской религии не только на уровне СМИ, но и академических институций, создающих негативный образ ислама в политическом медийном дискурсе²⁵.

Представленная аргументация относится не только к русскоязычным медиа, подобные процессы наблюдаются также и в западных медиаконтентах. Особенно активизируется появление негативных контекстов после публикаций о совершении правонарушений последователями исламского вероисповедания. В американских медиа, например, негативный образ активно используется в политических полемиках с целью выстраивания у аудитории определенного представления об исламских странах²⁶. Немаловажно, что религиозная полемика и аргументация привязаны к террористическим актам с выделением «хороших и плохих»²⁷. Отдельной проблемой является

²⁴ Т.А. Полетаева, *Петроспективная динамика англоязычных исламских концептов*, «Russian Linguistic Bulletin» 2023, № 7 (43), с. 5.

²⁵ С. Рагозина, *Защита «традиционный» ислам от «радикального»: дискурс исламофобии в российских СМИ*, «Государство, религия, церковь в России и за рубежом» 2018, № 2, с. 273.

²⁶ K.A. Powell, *Framing Islam / Creating Fear: An Analysis of U.S. Media Coverage of Terrorism from 2011–2016*, „Religions” 2018, vol. 9, p. 11.

²⁷ B. Quraishy, *Islamic Images and Terminology Used in the Western Media*, „Mediator” 2005, vol. 6, no. 1, p. 70.

поиск компромисса в предоставлении информации, касающейся исламского мира, в частности, анализ нарративов, в которых формируется исламофобская позиция. Трудности выстраиваются и с учетом культурных особенностей ислама, и политической полемики вокруг исламского дискурса²⁸.

Заключение

Сформированное массовое представление об исламской терминологии базируется на устоявшихся семантических моделях, предсказывающих прагматические механизмы воздействия на аудиторию в медийной сфере. Тем не менее журналисты не разделяют присущий исламу набор аксиоматических положений, что формирует недостаточно обоснованные представления о догматических основах религии, и нередко создает разрыв между социальными группами. Не стоит исключать и причины, скрывающиеся в непонимании сотрудниками массмедийной сферы особенностей исламской религии, различных направлений ислама, существующих в странах проживания последователей, обособленностей религиозных исламских институций.

Фрагментарный обзор медийных интернет-источников подтверждает, что несмотря на возрастающее воздействие на общество медиакультуры, нередко исламская лексика преподносится в искаженном толковании, стоит при этом отметить, что исключение составляет информация о публичных мероприятиях, касающихся ислама. Можно сделать вывод, что в ряде случаев фиксируется нарушение этических норм сотрудниками массмедиа, допускаются случаи использования произвольных, ошибочных форм догматических постулатов, а унифицированное восприятие мусульман является одним из факторов искаженного понимания ислама. Устойчивые неправильные трактовки исламской лексики формируются в недрах медийных дискурсов, участники которых зачастую слабо разбираются в религиозных конфессиях и при этом, возможно, не имели контактов с представителями исламской веры.

В тех субъектах Российской Федерации, где большинство проживающего населения являются мусульманами, или ислам является исконной религией региона, использование исламской лексики в массмедийных дискурсах регламентировано, и по всей видимости, не допускаются вольные формулировки исламизмов. Следует обратить внимание на тот факт, что ислам на территории России не имеет национальной принадлежности, а русский язык выступает в качестве посредника в толковании религиозных текстов

²⁸ *Современный ислам: между политикой и традицией (интервью с профессором Московского государственного института международных отношений МИД РФ Алексеем Малащенко)*, <https://magazines.gorky.media/nz/2002/6/sovremennyyj-islam-mezhdu-politikoj-i-tradiciej.html> [дата обращения: 25.12.2025].

и приобщении к вере, в связи с этим было бы некорректно приписывать исламские традиции гражданам только определенных национальностей.

Литература

- Baker P., Gabrielatos C., McEnery T., *Discourse Analysis and Media Attitudes: The Representation of Islam in the British Press*, Cambridge University Press, Cambridge 2013.
- Barlas A., *Jihad, Holy War, and Terrorism: The Politics of Conflation and Denial*, „American Journal of Islam and Society” 2003, vol. 20, no. 1, pp. 46–62.
- Bektenova M., Seitakhmetova N., Zhandossova S., Toktarbekova L., *Formation of Islamic identity in Kazakhstan and the Central Asian region in conditions of religious revival*, „European Journal of Science and Theology” 2025, vol. 21, no. 4, pp. 145–174.
- Bullock K., *Challenging Media Representations of the Veil: Contemporary Muslim Women's Re-veiling Movement*, „American Journal of Islam and Society” 2000, vol. 17, no. 3, pp. 22–53.
- Horsfield P., Hess M.E., *Belief in Media: Cultural Perspectives on Media and Christianity*, Publ. Routledge, London–New York 2004.
- Kirby D.L., Cusack C.M., *Religion and Media*, Routledge, London–New York 2017.
- Mazur P., *Czy dżihad to ideologia? O niekonsekwencjach terminologicznych wokół „walki na ścieżce Boga”*, „Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. Studia de Securitate” 2019, t. 9, nr 2, s. 20–33.
- Mrozowski M., *Media masowe. Władza, rozrywka i biznes*, Oficyna Wydawnicza Aspra-JR, Warszawa 2001.
- Naguib S., *Islam and Epistemological Gender Politics: A Decolonial Moment*, „American Journal of Islam and Society” 2021, vol. 38, no. 1–2, pp. 9–28.
- Powell K.A., *Framing Islam / Creating Fear: An Analysis of U.S. Media Coverage of Terrorism from 2011–2016*, „Religions” 2018, vol. 9, pp. 1–15.
- Quraishy B., *Islamic Images and Terminology Used in the Western Media*, „Mediator” 2005, vol. 6, no. 1, pp. 67–74.
- Ślaskiewicz Ż., *Estetyczny aspekt audiowizualnych medytacji uważności jako popularnego gatunku w przestrzeni medialnej*, „Przegląd Rusycystyczny” 2023, nr 3 (183), s. 93–109.
- Tausch A., *Political Islam and Religiously Motivated Political Extremism: An International Comparison*, Springer, Cham 2023.
- Ал-Хилфи М., *Общетаатарские и исламские СМИ как средство сохранения языка и культуры в национальных регионах Поволжья*, «Знак: проблемное поле медиаобразования» 2021, № 3 (41), с. 37–47.
- Казиева А.М., Ибрагимова М.М., *Исламский дискурс в российском медианпространстве: некоторые аспекты семантики, прагматики и терминологического наполнения*, «Political Linguistics» 2024, № 6 (108), с. 170–177.
- Карасик В.И., *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*, Гнозис, Москва 2002.

- Козьякова Н.С., *Современная политическая философия ислама*, «Journal of Political Research» 2025, vol. 8, no. 4, с. 61–78.
- Ксавье Ле Торривеллек, *Состояние и особенности «российского ислама»*, «Записка Аналитического центра Обсерво» 2013, № 4, с. 1–24.
- Кузнецов С.А., *Большой толковый словарь русского языка*, «Норинт», Санкт-Петербург 2000.
- Милославский Г.В., Петросян Ю.А., Пиотровский М.Б., Прозоров С.М., *Ислам: энциклопедический словарь*, Наука, Москва 1991.
- Полетаева Т.А., *Ретроспективная динамика англоязычных исламских концептов*, «Russian Linguistic Bulletin» 2023, № 7 (43), с. 1–7.
- Рагозина С., *Защита «традиционный» ислам от «радикального»: дискурс исламофобии в российских СМИ*, «Государство, религия, церковь в России и за рубежом» 2018, № 2, с. 272–299.
- Чаллюб М.Г., *Арабские заимствования в русском языке*, «Вестник ВГУ» 2009, № 1, с. 75–77.

Интернет-источники

- Джихад русской литературы*, Алиф ТВ, <https://alif.tv/category/documental/djihad-russkoj-literaturi/> [дата обращения: 26.12.2025].
- «Огромный красный мужик лапает синюю тощую женщину» Егор Кончаловский о разнице между сексом на экране и в жизни, Lenta.ru, 17 октября 2017, <https://lenta.ru/articles/2017/10/17/konchalovskiy/> [дата обращения: 26.12.2025].
- Православный джихад: нация-агрессор пожинает плоды преступной идеологии*, Sprotyv.info, 13.12.2021, <https://sprotyv.info/obshchestvo/pravoslavnyj-dzhihad-naciy-a-gressor-pozhinaet-plody-prestupnoj-ideologii/> [дата обращения: 26.12.2025].
- Современный ислам: между политикой и традицией* (интервью с профессором Московского государственного института международных отношений МИД РФ Алексеем Малащенко), <https://magazines.gorky.media/nz/2002/6/sovremennyj-islam-mezhdu-politikoj-i-tradicziej.html> [дата обращения: 25.12.2025].
- Философские Диалоги с Павлом Щелиным. «Исламский Рейх по хазарской модели в Европе», Ru.pinterest.com, <https://ru.pinterest.com/pin/640777853271300187/> [дата обращения: 26.12.2025].
- Чернышёв Е., *В России начинают внедряться законы шариата* – член СПЧ, Накануне.RU, 21.05.2025, <https://www.nakanune.ru/news/2025/05/21/22821353/> [дата обращения: 26.12.2025].
- Шариат*, Словарь русского языка (МАС), <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/25/ma470205.htm?cmd=0&istext=1> [дата обращения: 26.12.2025].
- Шариат вместо законов: мигранты создают параллельную реальность в России*, AsiaToday, 27.06.2025, <https://asia-today.news/27062025/6342/> [дата обращения: 26.12.2025].

Резюме

В статье рассматриваются особенности функционирования исламской лексики в современном русскоязычном медиадискурсе. Цель исследования заключается в выявлении семантических, прагматических и контекстуальных характеристик употребления исламских терминов в материалах средств массовой информации. В качестве эмпирической базы использованы тексты новостных агентств, аналитических публикаций и медиаматериалы за последние годы, представленные в открытом доступе. В работе применяются методы дискурсивного, контекстуального и лексико-семантического анализа. Особое внимание уделяется процессам адаптации заимствованных религиозных терминов в русском языке, их интерпретации в массовом сознании, а также трансформации значений под влиянием социально-политического контекста. Показано, что в медиадискурсе исламская лексика нередко приобретает оценочную окраску и используется не только в религиозном, но и в идеологическом аспектах, что может приводить к упрощению или искажению исходных понятий. Полученные результаты позволяют глубже понять роль СМИ в формировании представлений об исламе и мусульманской культуре в русскоязычном информационном пространстве.

Ключевые слова: исламская лексика, медиадискурс, религиозная лексика, русскоязычные СМИ, оценочная лексика

Islamic Lexicon in Russian Media

Abstract

The article examines the peculiarities of Islamic lexicon in contemporary Russian media discourse. The study aims to identify the semantic, pragmatic, and contextual characteristics of the use of Islamic lexicon in mass media materials. The empirical basis consists of texts from news agencies, analytical publications, and media materials from recent years, all available in the public domain. The work applies methods of discursive, contextual, and lexical-semantic analysis. Particular attention is paid to the processes of adaptation of borrowed religious terms in the Russian, their interpretation in the mass consciousness, and their transformations under the influence of the socio-political context. It is shown that in media discourse, Islamic terminology often acquires an evaluative connotation and is used not only in religious but also in ideological contexts, leading to the simplification or distortion of the original concepts. The results obtained provide a deeper understanding of the media's role in shaping perceptions of Islam and Muslim culture in the Russian information space.

Keywords: Islamic lexicon, media discourse, religious vocabulary, Russian media, evaluative lexicon